7. Познание высшей мудрости, сходное с обрядом инициации.— В этом микросюжете можно выделить следующие мотивы.

а) Критическое состояние персонажа перед испытанием, страдание, опасность.— Один «рисковал головой» (svá hætta ec hǫfði til (Hár. 106)), добывая мед поэзии. Он терпел всяческие лишения (við hleifi mic sældo né við hornigi «меня не кормили ни хлебом, ни медом»), пронзенный копьем и повесившийся на дереве при самопожертвовании, в результате которого он постиг высшее знание — руны.

Сигурд преодолел огненный вал ради освобождения Сигрдривы, обучившей его рунам.

б) Хитрость, коварство.— Этот мотив реализуется в имени Одина Bǫl-verkr 'Зло делающий', под которым он проник в гору к Гуннлёд, охранявшей мед поэзии, в его эпитете illúðigr 'злобный' (Skj. I, 37, 22), а также в некоторых контекстах: Vel keyptz litar hefi ec vel notið, fás er fróðom vant; þvíat Óðrerir er nú upp kominn á alda vés jaðar (Hár. 107) «Хитростью вдоволь я насладился, все умный сумеет; так ныне Одрёрир (сосуд с медом) в доме находится священном людей покровителя», Suttung svíkinn hann lét sumbli frá oc groetta Gunnlǫðo (Hár. 110). «Напиток достал он обманом у Суттунга Гуннлёд на горе» [12, с. 59]. «Тогда Бёльверк сказал Бауги, что надо попробовать, не удастся ли им заполучить мед какою-нибудь хитростью».

Предательство Сигурда заключалось в том, что он покинул Сигрдриву, впоследствии отождествленную с Брюнхильд.

с) Соблазнение девы, живущей на горе, обладательницы богатства.— В мифе о добывании Одином священного меда, символизирующего поэтическое вдохновение, в горе Хнитбьёрг сообщается, что «Бёльверк добрался до того места, где сидела Гуннлёд, и провел с нею три ночи, а она позволила ему выпить три глотка меду» [12, с. 59]. Аналогичный мотив репрезентирован в Hár. 108: Ifi er mér á, at ec væra enn kominn / iǫtna gǫrðom ór, / ef ec Gunnlaðar né nytac, innar góðo kono, /þeirar er lǫgðomc arm yfir «Не удалось бы мне выбраться из жилья великанов, когда бы не помощь Гуннлёд прекрасной, которую я обнимал».

Этот мотив не реализуется в отношениях между Сигурдом и Брюнхильд, обитающей в замке на горе, однако именно это обстоятельство и становится основным импульсом в развитии сюжета.

Клятва в верности деве на кольце и ее невыполнение.— Эта тема получает выражение в Hár. 110: Baugeið Óðinn hygg ec at unnit hafi, /hvat scal hans tryggðom trúa? «Клятву Один дал на кольце; не коварна ли клятва?».

Кольцо, полученное Сигурдом от Брюнхильд, оказывается впоследствии непосредственной причиной трагически разворачивающихся событий.

е) Изменение облика и имени.— Похищая мед поэзии, Один скрывается под именем Bǫlverkr, он проникает в скалу в виде змеи и улетает с медом в образе орла.

Мена обличьем и поведением [scipta litom oc látom (Grp. 38), homom víxlit Grp. 44)] и утаивание своего имени свойственна Сигурду в ключевые моменты его жизни: в поединке с Фафниром и во время поездки с Гуннаром свататься Брюнхильд.

f) Жертвоприношение.— Ср. самозаклание Одина (Hár. 138). Этот мотив имеет отношение и к Сигурду, он осуществляется после его смерти Гудрун, убившей детей Атли и отомстившей за мужа. Не случайно при описании ее действий используется религиозная терминология: Blót, sem vilt, bǫrnom (Am. 78) «Жертвуй, если хочешь, детьми».

g) Достижение экстатического состояния, приобретение магической мудрости в результате испытания характеризуют положение Одина и Сигурда, познавших руны.

Разобранный выше микросюжет актуален и по отношению к Вёлунду, он позволяет внести системность в сказание о нем, упорядочить различ-